

ный опыт». Многие информанты говорили о том, что улица учит искусству отношений, дает возможность научиться выбирать правильную линию поведения и ориентироваться в самых разнообразных ситуациях. Не имея этого опыта, «ты что-то вроде инопланетянина». Улица рассматривается как главный воспитатель маскулинности, необходимый этап, который должен пройти мальчик, чтобы стать настоящим мужчиной. Не иметь этого опыта — значит подвергнуть сомнению свою мужественность и приспособленность к жизни. Однако степень погруженности подростка в уличную в жизнь в его период бичоба может быть разной; нормальный жизненный сценарий подразумевает, что с поступлением в вуз, началом работы или другой «взрослой» деятельности улица должна утратить свое значение в жизни мужчины.

Моментом выбора, который должен сделать подросток между дальнейшим укреплением своего авторитета в местном сообществе с возможностью последующей воровской карьеры и карьерой за пределами локального сообщества, обычно считается 16–17-летний возраст. С этого момента от молодого человека ожидается, что он постепенно будет сужать свои связи с локальным сообществом и переносить свои интересы в другую сферу.

***

¹ См., напр.: *Harding D.J.* Neighbourhood violence and the Age Structure of Peer Networks: Socialization of Adolescent Boys in Disadvantaged Neighborhoods / Population Studies Center Report. University of Michigan. December. 2005.

Лусинэ Гушян

ПРЕДСВАДЕБНЫЙ ОБРЯДОВЫЙ КОМПЛЕКС ПРИАЗОВСКИХ И БАЛКАНСКИХ ГРЕКОВ (НАЧАЛО XX в. — 1970-е ГОДЫ)

Мы попытаемся охарактеризовать предсвадебный обрядовый комплекс греков-румеев Приазовья, определить его особенности и выявить аналогии с предсвадебным обрядом греков, населяющих Балканскую Грецию и архипелаг. Хронологические рамки исследования определяются началом XX в. — 70-ми годами указанного столетия. Нижние

временные границы обусловлены наиболее ранними достаточно полными сведениями о свадебном обряде греков Приазовья, верхние — существенными изменениями в структуре свадебного ритуала данной локальной этноконфессиональной группы.

Источниками для сообщения послужили описание сартанского свадебного обряда конца XIX — начала XX в. О.Н. Ксенофоновой-Петренко (*Ксенофотова-Петренко, 1979*), полевые материалы автора 2008 г., где информанты вспоминают как о собственной свадьбе, так и (фрагментарно) о свадьбах своих родителей., а также описания данного обряда в материковой и архипелажной Греции, которые приведены А.Н. Анфертьевым в сборнике, посвященном браку у народов Центральной и Юго-Восточной Европы (*Анфертьев, 1988*).

По свидетельству информантов, в Приазовье наиболее подходящим для вступления в брак возрастом до 1930-х годов считалось 16–17 лет для девушек и 25–30 лет для юношей. Для балканской Греции в период с XIX по 70-е годы XX в. характерен аналогичный брачный возраст для сельских девушек, однако юноши, в отличие от приазовских, женились существенно раньше — в 16–20 лет (*Там же: 208*). Последнее объясняется, вероятно, тем, что в Приазовье мужчины ко времени вступления в брак должны были обладать неким персональным капиталом, в отличие от Греции и архипелага, где часто «приданное является основой благосостояния молодой семьи» (*Там же: 210*).

С 1930 годов брачный возраст в Приазовье повышается до 20–25 лет для девушек, 20–30 лет для юношей, причем разница в возрасте пары сокращается. Изменения объясняются информантами, с одной стороны, «советскими законами», то есть запретом на вступление в брак до достижения 18 лет, с другой — бедностью, из-за которой увеличивалось время для подготовки приданого и устройства свадебных торжеств. К этому следует добавить, что с указанного времени наблюдаются существенные изменения в деятельности и социальном положении женщин. Если прежде основным занятием девушек и женщин Приазовья, также как и до последнего времени у сельских жительниц Балкан, были забота о доме и домашнее хозяйство, а приоритетом — исключительно брак и семейная жизнь (*Там же*), то после 1930-х годов приазовские девушки в обязательном порядке становятся государственными работницами, как в сельскохозяйственном, так и в промышленном производстве. Работающая девушка принимает участие в формировании бюджета собственной семьи. К 1940–1950-м годам важным для девушки становится «получение специальности». Образование, в те годы чаще всего среднее профессиональное, полученное девицей, — знак престижа и воспринимается семейством претендента на ее руку как некий вид благосостояния, часть ее приданого.

В связи с изменениями социального положения и рода занятий приазовской девушки изменяются два важных аспекта, связанных с браком: место встреч и знакомств молодых людей и состав приданого.

О. Ксенофонтова-Петренко (*Ксенофонтова-Петренко, 1979: 173–174*), а вслед за ней и наши информанты сообщают, что в первые десятилетия XX в. основным местом для знакомств молодых людей были церковные и общественные праздники, гулянья по главной улице села. Последнее весьма популярно и в Греции, где именно такого рода прогулки называются итальянским словом *volta* («прогулка») (*Анфертьев, 1988: 209*). В Приазовье во время гуляний, на которые разрешалось ходить с 15–16 лет, знакомства происходили не индивидуально, а компаниями в 34 человека. Далее следовали «свидания на расстоянии».

В указанный период существовала практика девичьих посиделок («на вязание», «на вечеринку», «на халву») в доме одной из девушек. Во двор дома приходили молодые люди, чтобы повидаться со своими избранницами. На такого рода свиданиях девушки оставались в доме, юноши — на улице или во дворе, и молодые люди переговаривались через окно. С 1950-х годов практика гуляний и домашних вечеринок прекращается и основным местом для выбора брачных партнеров информанты называют производство и место учебы, а местом свиданий — сельский клуб.

Как балканские, так и приазовские греки-румели для обозначения приданого используют термин *прика* (от древнегреч. — «приданое»). Основным элементом приданого для греческой невесты был и остается дом / квартира (особенно если речь идет о старшей дочери (*Там же: 208*) или земельный участок с растущими на нем оливковыми деревьями и виноградниками, а также деньги и ценные бумаги (*Там же: 210*). В Приазовье, согласно информантам, до 1920-х годов богатые семейства в качестве основы приданого также давали ценные бумаги и деньги, однако второй основной его составляющей был крупный и мелкий рогатый скот, что вполне соответствует основным хозяйственным занятиям греков Приазовья до Октябрьской революции.

Не менее важной составляющей приданого являлось и являются на Балканах до сих пор изготовленные невестой «предметы домашнего обихода (одежда и пр.), а также обязательные подарки, вручаемые ею гостям. Еще до наступления брачного возраста девушка (под надзором и при содействии старших женщин семьи) постоянно занята изготовлением приданого. Она должна изготовить его самостоятельно (покупной является только материя)» (*Там же: 210*). Как указывает О. Ксенофонтова-Петренко (*Ксенофонтова-Петренко, 1979: 174*), аналогичное занятие было основным и для приазовской невесты. Так же, как и балканская девушка, с начала XX в. она покупала только материя, но обязательно сама должна была сшить и украсить рукоделем (вышивкой или, чаще, вязаным кружевом) свою одежду, свадебные подарки и украшения для интерьера своего будущего дома.

С 1930-х годов, когда производственная работа становится преобладающим занятием старших женщин, а основным занятием девочки

является учеба в школе, времени для рукоделья практически не находится и перечисленные предметы становятся покупными, либо от них отказываются вовсе. Информанты подчеркивают, что бедность и нищета 1920–1930-х годов существенно сократили состав приданого и оно стало строго фиксированным. Теперь его основой стало все для домашнего обихода: ряд обязательных предметов: кровать, перина, две подушки, два одеяла — теплое и легкое, комплекты постельного белья, покрывало на постель.

Как у балканских, так и у приазовских греков свадьбе предшествует ряд ритуалов. На Балканах молодой человек, выбрав девушку для брачных отношений, на первом этапе, до официального сватовства, часто не пользуется посредниками, а сам публично высказывает свои намерения: «Известный с древности способ для юноши объявить девушке о своих чувствах — кинуть ей яблоко или цветок на голову или на колени — весьма обычен, хотя кое-где и считается неприличным» (Анфертьев, 1988: 209). Таким образом, выбор юноши доводится до сведения родителей девушки и вообще всей сельской общины.

В Приазовье первые выказывания симпатий юноши не были столь открыты, и переговоры на первом этапе велись с обеих сторон через посредников. Официальному сватовству здесь предшествовал «первый договор», когда к родителям невесты (а в начале XX в. — к более отдаленным родственникам) приходят сваты от семьи жениха. Предпочтение отдавалось свахам-женщинам, причем информантами уточняется, что женщины эти не должны быть вдовыми. Так как первая встреча родственников представляет собой пробные переговоры о намерениях, на этом этапе родители могли отказать семье претендента. Будущая невеста, как и жених, во время переговоров, которые длились около часа, присутствовать не должны. Церемониальные действия приема сватов на этом этапе предсвадебных переговоров были минимальны: так, в частности, принимали пришедших в так называемой зале (главной комнате дома), однако заходили они через обычный (непарадный) вход, стол не накрывался, подарками стороны не обменивались.

Состав участников приазовского «первого договора» совпадает с составом балканской *proxiniá* («сватовство») (Там же: 210). Однако, несмотря на схожий состав участников, *proxiniá* более ритуализирована, так как на ней основной темой являются важные вопросы о размере и составе приданого. Последнее в приазовской традиции обсуждалось на следующей, официальной, встрече семейств будущих молодоженов.

Кроме «первого договора», в Приазовье до 1960-х годов существовали еще две предсвадебные встречи семейств будущих молодоженов, первая из которых называлась здесь *micri (ar) ravonis* — малое сватовство, помолвка. Она включала в себя часть ритуалов *proxiniá*. В данном случае родственники со стороны невесты присутствовали парами, а со стороны жениха — только мужчины во главе с *kalota* — крестным

отцом жениха. Семейства обменивались подарками, которые назывались *smadъ* (рум.) — *simádia*, букв. «знаки».

Несмотря на то что приазовские румы утратили первоначальное значение слова и *smadъ* они переводят как «подарок», однако он воспринимается ими исключительно как подарок свадебный. Для Приазовья до 1920-х годов основным знаком будущего супружества, передаваемым после предварительной молитвы семье невесты, были два серебряных рубля, скрепленных воском (*Ксенофонтова-Петренко, 1979: 174*). На Балканах невесте передают кольцо, пришитое красной нитью к черному шелковому платку, и золотую монету. Жених здесь тоже получает кольцо и вышитый платок от родителей невесты (*Анфертьев, 1988: 211*).

В Приазовье на малое сватовство садились за стол с угощениями. Основным вопросом при малой помолвке являлись размер и состав приданого, однако, согласно информантам, это «раньше, до революции, договаривались, а сейчас всем известно, что нужно на приданое», поэтому эта часть предсвадебного ритуала изжила себя довольно быстро. Кроме приданого определялось время проведения и количество гостей на *megolo (ar)ravonis* — большую помолвку, с которой с 1950-х годов сливается *micri (ar)ravonis*.

Следующим, наиболее важным, этапом предсвадебного обрядового комплекса является *megolo (ar)ravonis* (Приазовье) или *arravonis* (Греция) — собственно помолвка, обручение, на котором договаривались о времени свадьбы. Как в Приазовье, так и на Балканах, *arravonis* может совершаться как за несколько месяцев, так и за год (иногда два) до свадьбы. Состав участников приазовской помолвки следующий: родители, состоящие в браке старшие братья (сестра), дяди и тети, а также главные персонажи данного обряда — крестный (*kalota*) и крестная (*nuna*).

На Балканах, при в основном схожем составе участников есть одно существенное отличие: здесь обязательно присутствие священника, который и является ведущим персонажем *arravonis* (*Там же: 211*). В обеих традициях жених присутствует на обряде с самого его начала, невесту приглашают позже — при обмене *smadъ* — «знаками». На *megolo (ar)ravonis* в Приазовье обменивались главными *smadъ*. до 1920-х годов со стороны жениха это были золотое (серебряное) кольцо, золотой (серебряный) крест, шелковый головной платок пушу, со стороны невесты — золотое (серебряное) кольцо, шелковая рубашка, батистовый носовой платок (*Ксенофонтова-Петренко, 1979: 175*). В 1950-е годы вместо кольца жениху дарятся часы.

Обмен «знаками» происходил в присутствии, но без участия жениха и в отсутствие невесты. В Приазовье *smadъ* обменивались крестные жениха с крестными невесты, а на Балканах священник после молитвы «берет кольца и протягивает кольцо невесты родителям жениха, и наоборот — «меняет кольца»» (*Анфертьев, 1988: 211*). Только после

этого как на Балканах, так и в Приазовье входит невеста, которую в приазовской традиции зовут *нипа* жениха словами: «На ру е ниф мас? (Где наша невеста?) А смађе сма... (Пусть возьмет «знаки»)».

Вошедшая невеста в обеих традициях должна была поцеловать руки всем присутствующим. Данный элемент обряда называется *xirofilima* и сохраняется в материковой Греции и на архипелаге до сих пор (Там же: 211–212). В Приазовье в 1950-х годах невеста целовала руки только будущим свекру и свекрови, а впоследствии этот элемент был утерян.

Существенными видятся различия в итогах *arravonis* и *megolo (ar)ravonis*. Основной целью балканской помолвки является отсутствующее в приазовской традиции подписание брачного контракта, при котором сельский священник выступает как гарант соблюдения договора. Роль сельского священника как носителя ряда весьма существенных полномочий вписана в общее значение священничества в греческом государстве. Клер здесь представляется институцией, дублирующей на разных уровнях светское чиновничество, особенно если речь идет о браке и разводе. Так, брак считается легитимным только после того, как молодые, обвенчавшись, получают выписку-свидетельство о браке из церковного регистра. Развод в греческом государстве также оформляется через институт церкви.

В Приазовье после *megolo (ar)ravonis* «старинная традиция разрешала нареченным вступать в супружеские отношения. Невестка или старшая сестра стлала им совместную постель» (Ксенофонтowa-Петренко, 1979: 175). Согласно информантам, этот обычай соблюдался вплоть до 1970-х годов: «У греков такой обычай: вот они сегодня засватались, завтра он (жених. — Л.Г.) приходит, приносит шампанское, вот такой большой пакет конфет, печенья, отдает матери (невесты. — Л.Г.) и остается ночевать. Сейчас это не соблюдается, а в мое время (1950-е годы. — Л.Г.) это очень даже соблюдалось. И не дай бог, чтобы он не ночевал, уже тогда пошли бы сразу слухи, что это что-то не то. Приходил не каждый вечер, мы договаривались, когда он придет, через вечер... Считалось это как-то некультурно, что ли, каждый вечер ходить. Но в среду, пятницу, субботу — обязательно приходил» (В.Г. 1937 г.р).

Таким образом, в Приазовье довольно долго сохранялись столь архаичные черты, как легитимизированные обществом и ритуализированные добрачные интимные отношения юноши и девушки. Однако до свадьбы молодые люди не должны были иметь детей. При первом посещении жених выяснял, девственна ли невеста, если она оказывалась «нечестна», жених мог больше не приходиться к ней. Заметим, что в балканской Греции добрачные интимные отношения не допускаются и осуждаются обществом.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что до 1920-х годов различия в проведении досвадебных обрядов у греков

Приазовья в сравнении с аналогичными ритуалами жителей Греции и архипелага были незначительными и носили скорее характер локальных особенностей. После указанного периода и до 1960-х годов под влиянием новых идеологических, социальных, политических факторов происходят процессы, существенно изменившие как структуру приазовских обрядов, так поведение его основных участников.

Библиография

Ксенофонтова-Петренко О.Н. Семейные обряды в селе Сартана // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. М., 1979.

Анфертьев А.Н. Греки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1988.